

ОЛЬГА ВУД

СЛОЖНОСТИ ВЫСОКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ольга Вуд

Сложности высоких отношений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69941203

SelfPub; 2023

Аннотация

Женя выше своей подруги, даже выше одноклассников и старшеклассников. И это одна из причин, по которой Жене сложно чувствовать себя комфортно не только в классе или в школе, но и в своём теле. Дима старшеклассник и рост его ниже среднего. И несмотря на это Женя ему интересна. Но смогут ли они преодолеть предрассудки общества и сложности высоких отношений и наконец станцевать медленный танец?

Содержание

Плейлист	4
Пролог. Дима	5
Глава 1. Женя	7
Глава 2. Дима	22
Глава 3. Женя	43
Глава 4. Дима	60
Глава 5. Женя	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ольга Вуд Сложности высоких отношений

Плейлист

ДДТ – Метель

София Ротару – Белая зима

Flo Rida & T-Pain – Low

Анастасия Приходько – Три зимы

Face 2 Face – В объятьях ночи

Непара – Бог тебя выдумал

Reflex – Танцы

Panjabi MC – Jogi

Ради славы – Будем счастливыми

Верка Сердючка – Чита-дрита

Тимати – Не сходи с ума

Горький Шоколад – Береги

A'Studio – Улетаю

Верка Сердючка – Ёлки

Дискотека Авария – Новогодняя

Т9 – Ода нашей любви

Пролог. Дима

Дима зло выругался, смачно, матом, и как спринтер выскочил со сцены, где уже минут десять, как должен был идти концерт. Вслед ему полетело возмущённое, ошеломлённое: «Ковалё-ёв!» – от Людмилы Анатольевны. Но он не придал окрику значения, даже не смутился, потому что были дела много важнее.

Ноги слушались слабо. Всё это походило на дурацкий и мучительный кошмар, когда пытаешься убежать от чёртовых зомби: ноги переставлялись медленно, икры начинали болеть и слабеть, а запах смерти – или, точнее, безысходного несчастья – так и смердел позади тебя. Дима с трудом пытался совладать и с неподатливыми ногами, и с дыханием, которое сбилось от резкого подъёма, через ступеньку, местами даже через две, по лестнице. Но третий этаж слишком медленно приближался, словно горизонт, до которого всё никак не добраться.

Забежав в коридор третьего этажа, Дима остановился. Бежать ему не сильно нравилось, хоть он и сдавал стометровки и километр на отлично. И сейчас казалось, что он пробежал километров десять, настолько сильно горели лёгкие и воздух выходил колюче, больно царапая горло.

– Женья! – хрипло выкрикнул, закашлялся от резкого вдо-

ха, который неправильно зашёл в лёгкие. Но ему никто не ответил.

И не надо было, Дима и так знал, где её искать.

Глава 1. Женя

– Урок окончен, можете быть свободны.

Десятый «б» засуетился, дети торопливо закидывали ручки, тетради и учебники – кто в сумки, кто в пакеты, кто в рюкзаки.

– Кстати, кхм, Короткова, – кхекнула Светлана Николаевна. Женя подняла глаза и быстро нашла направленный на неё взгляд: – Зайди в учительскую, там тебя Людмила Анатольевна спрашивала.

Женя кивнула, не уточняя, с какой целью: искали и искали, она и так узнает для чего, когда придёт. Зачем разводить лишние вопросы. Тем более Светлана Николаевна, скорее всего, не знала причины.

– А зачем ей Женька? – подала голос Маша, поднимаясь на носочки возле Жени и цепляясь за её руку, чтобы не упасть.

– Всё-то тебе надо знать, – покачала головой Светлана Николаевна, но всё же ответила: – Там что-то связанное с новогодним концертом, я так и не поняла.

Она помахала рукой, показывая, что сама мало знает, и направилась на выход из кабинета.

– Как-то это подозрительно, – сузила глаза Маша, отчего стала смахивать на азиатскую принцессу.

– Чего сразу подозрительно? Помочь, видимо, надо. Сейчас узнаем, что она хочет, – пожала плечами Женя, закидывая рюкзак за спину.

– Эй! – раздалось позади неё. – Ты меня чуть не снесла, долбаный столб!

Женя вжала голову в плечи и сгорбилась, стараясь стать максимально незаметной и маленькой. Но нет, не получилось, большая часть одноклассников, что не успели уйти, обернулись, прекрасно видя и её высоту, и светлую голову.

– Сам «эй», Некрасов! Смотри, куда идёшь, и всё с тобой будет в порядке, понял, чёрт ты слепой? – вскинулась Маша, расправляя плечи и делая шаг к Некрасову, будто закрывая Женю от нападок.

– Тебя никто не спрашивал, гном, – выплюнул Некрасов и уже собирался и правда сплюнуть, но вспомнил, где он – настороженно глянул на дверь, но не заметив там опасности, вновь расхрабрился, весь нахохлился.

– Как оригинально, браво, маэстро, – всплеснула руками Маша. – Но мы торопимся. В следующий раз не забудь глянуть наверх, мало ли там будет ветка или падающий кирпич.

Маша развернулась и стала усиленно подталкивать замершую, словно одеревеневшую, Женю.

– Это угроза? – очухался Некрасов, когда Женя и Маша уже оказалась в коридоре.

– Больно надо тебе угрожать, ушлёпок, – проворчала под

нос Маша, но громче ничего не сказала. – Забей. Он просто лает. Ничего сделать не сможет, да и не получится у него: страх за собственную шкуру сильнее.

– Да я и не боюсь, просто неприятно, – устало проговорила Женя, рвано выдыхая слова. – Бесит уже.

– Так ты бы, того, – Маша махнула рукой, как бы показывая, что даёт подзатыльник. – Дай отпор, рыкни на них, щелбаном награди.

– Не, щелбан не вариант. Вдруг прилетит сдача. Да и вообще не вариант драться, – быстро поправила себя Женя. Они спустились по лестнице на полпролёта ниже, чтобы дойти до учительской.

– Смотри сама, – перепрыгнула через ступеньку Маша, при этом чуть не навернувшись. Женя же шагала неторопливо, чтобы ненароком не споткнуться. – Тебе потом не отвертеться от нападок.

– Так уже, – невесело усмехнулась Женя. – Ладно, проехали.

Учительская была почти пуста, только в углу сидела Людмила Анатольевна и что-то писала, черкала, размашисто рисовала в тетради.

– Здравсте, – поздоровалась Женя.

Маша осталась в коридоре, напевая себе под нос.

– О, Короткова, привет, – засуетилась Людмила Анатольевна, закрывая тетрадь и откладывая её в сторону. – Иди сюда, садись.

Она ткнула на стул напротив, через стол. Когда Женя села, колени оказались подняты выше обычного, словно стул был ниже среднего. Или это она выросла, пока шла сюда? Опять.

– Слушай, уже сейчас я готовлю сценарий новогоднего концерта, – уверенно начала Людмила Анатольевна. – И для старших классов я решила поставить стандартную сказку про Деда Мороза и Снегурочку, но с некоторыми изменениями. Чтобы и повеселей, и немного позаковыристей. Да и чтобы вас побольше было задействовано, а то болтаетесь...

Людмила Анатольевна глянула на Женю, которая по себе знала, что она уж точно нигде не болтается.

– Но до новогоднего концерта, как до Луны – ведь ещё начало ноября.

– Да-да, – отмахнулась Людмила Анатольевна. – Но выступать же будут дети. Пока они настроятся, пока выучат слова, пока набалуются. Короче, сейчас начать самое то. Так вот, – уверенно продолжила она, – я решила поставить, создать некоторое переплетение разных сказок, а не какую-то одну выдуманную постановку.

Людмила Анатольевна раскинула руки и победно опустила их на стол, отчего стала походить на Доцента из фильма «Джентльмены удачи», который как раз и крутят под новый год по телевизору.

– Хорошо-о, – протянул Женя, растерянно улыбаясь. – А я-то тут при чём?

– О, ты главная фигура: холодная и немного воздушная,

лёгкая и неземная девочка, – Людмила Анатольевна отчего-то заговорщицки подвигала вверх-вниз бровями, словно знала тайну про Женю. Но тайн никаких не было.

Женя не холодна и... неземная? Дурочка, что ли? Женя ведь хотела, чтобы от неё отстали и перестали обращать внимания.

– То есть вы мне предлагаете сыграть Снегурочку? – решила уточнить она и тем самым добить себя.

– О нет! – театрально воскликнула Людмила Анатольевна и подтянула закрытую тетрадь, словно намекая, что разговор в скором времени будет закончен. – Я сообщаю, что ты будешь играть Снегурочку.

Женя ошарашенно раскрыла рот от такого заявления.

– А если я не хочу? – поражённо спросила она. Да, Людмила Анатольевна всегда была напориста и пряма. Но чтобы до такой степени.

– Придётся, – тяжело вздохнула Людмила Анатольевна. – Прости, но ты идеальная Снегурочка. Прямо...

– Это из-за моего роста? – спичкой вспыхнула Женя, успев подумать: как хорошо, что от волнения и гнева она не краснела, а только чувствовала жар на скулах и плечах.

– В том числе, но больше из-за твоих волос, – Людмила Анатольевна задумалась, окинула Женю внимательным взглядом. – И отстранённости.

Женя пропустила мимо ушей фразу про отстранённость, за которую обычно принимали простое желание быть менее

заметной. Мало того, что своим ростом она выделялась, так ещё и быть яркой личностью, талантливой, чтобы ещё больше тебя видели? Нет уж, увольте.

– Но я не хочу играть...

– Завтра сбор всех выступающих. У вас сколько уроков, пять?

– Шесть, – с тяжёлым вздохом поправила Женя.

– Отлично, значит, после шестого урока жду, – Людмила Анатольевна раскрыла тетрадь, но Женя не уходила. От несправедливости плечи её опустились уже до такой степени, что болела шея. Людмила Анатольевна продолжила: – Послушай, это всего лишь концерт. Выступишь раз, получишь частичное освобождение от домашнего задания, может, с кем ещё сдружишься.

– Такие себе плюсы, – сжала руки Женя.

– Жень, ну это чисто для тебя роль, согласна? – Женя мотнула головой не соглашаясь. – А я считаю, что да! Тебе будет полезно сыграть в постановке.

– Ну конечно, – пробормотала Женя под нос, понимая, что не сможет отказаться. Если на неё рассчитывали, то чувство ответственности обычно не позволяло слиться и оставить всё как было. Ну или как есть.

– Во вторник – ну, завтра – после уроков собираемся в актовом зале. Раздам вам слова, расскажу о концерте: что да как там будет.

Людмила Анатольевна опустила глаза в тетрадь, продол-

жая что-то бормотать себе под нос.

Женя поднялась, чувствуя, как ослабли ноги от совершенно нерадостной новости.

– И да! – вдруг воскликнула Людмила Анатольевна. Женя испуганно замерла. – Подружка твоя, Свинцова которая...

– Что с ней? – в дверном проёме показалась голова Маши.

– О, Свинцова, и ты здесь, можно было и догадаться. Иди сюда, – Людмила Анатольевна помахала листом, подзывая Машу, которая, пританцовывая, подошла к Жене и подхватила её под локоть, чуть неуклюже, но всё же.

– Ты же в музыкалку ходишь? – начала Людмила Анатольевна.

– И меня хотите припахать к концерту? – фыркнула Маша.

– Почему бы и нет, – пожала плечами Людмила Анатольевна, ничуть не смутившись. – Ты же поёшь?

Маша зацепила Женю взглядом: врать смысла не было – в музыкалке Маша хоть и нечасто, но пела на отчётных концертах. Её голос: грубоватый, низкий, словно у курильщика – был специфичным и от этого не всем нравился.

– Ну, есть немного, – нехотя согласилась Маша.

– Тогда тоже завтра после уроков приходи, – довольно проговорила Людмила Анатольевна и в своей тетрадке напротив какой-то надписи поставила плюс.

– Это эксплуатация детей... – начала было Маша, направляясь к выходу.

— Для вашего же блага, — перебила её Людмила Анатольевна, совершенно спокойно. — Не будете шататься по посёлку.

— Да в такую погоду особо не пошатаешься, — отчего-то встряла Женя, понимая, что на протяжении двух месяцев придётся поздно возвращаться домой. А с каждым днём будет становиться всё темнее, всё снежнее. И никакая Снегурочка не доведёт её до дома по метели, которая в декабре уж точно начнётся.

— Именно, — подхватила Маша, уже не обращая внимания на Людмилу Анатольевну, которая, кстати, в ответ тоже перестала смотреть на них, и начала что-то себе наговаривать под нос.

*

Женя и Маша жили далеко друг от друга, но после школы хотя бы пару минут могли пройти вместе.

Жене надо было идти в сторону стадиона, на улицу, где только в начале, возле дома номер три, был фонарь. Дальше же иногда приходилось пробираться по темноте, подсвечивая маленьким, карманным фонариком, который в начале года купила мама.

Маша же жила совсем рядом от школы. На уроки она добиралась минут за пять, поэтому всегда приходила, так сказать, при параде, успевая и накраситься, и стильно, насколько это было возможно, приодеться, и накрутить волосы, если

появлялось желание.

– Почему ты согласилась играть? – Маша в тряпочных кроссовках старательно обходила лужи.

– Потому что... – Женя в очередной раз схватила Машу за капюшон, когда та перепрыгивала через лужу и поскользнулась на мокрых листьях. – Потому что на меня рассчитывают.

– Но ты же не хочешь, – тихо проговорила Маша. – Зачем себя заставлять?

– Не знаю, – в отчаянии отозвалась Женя, понимая, что сама загналась в ловушку с этим чувством ответственности. Будь оно неладно. – Вообще, мне несложно. Тем более, это же просто школьный концерт. Меня же не просят ехать в Москву выступать.

– Ну туда-то можно сгонять, – оживилась Маша. – Может, какое модельное агентство тебя заметит и заберёт с руками и, хах, ногами.

Она рассмеялась собственной шутке, на что Женя не выдержала и тоже засмеялась.

– Да ну, – наконец бросила она. – Какая из меня модель?..

– Самая настоящая, – горячо заверила Маша, цепляясь за Женю и пихая её локтем.

– Конечно, – притворно согласила Женя, заканчивая этот бессмысленный разговор, который её всегда вгонял в тоску и уныние.

Какая из неё модель, когда она даже не красится? На каб-

луках не ходит, элегантно одеваться не умеет, специфической внешностью не обладает – что в ней может привлечь? Длинные ноги? Это скорее минус, который большим разделом отгораживал её от обычного мира. Ни тебе женственности, ни невидимости, ни обыденности, ни простоты.

Женя не терпела свои длинные ноги. Да и вообще рост. Она была выше всех. Хотя в её классе учился мальчик – Олег, с которым она была примерно одного роста. Остальные были ниже. И это было невыносимо.

Невыносимо оттого, что приходилось мириться с обзывательствами, которые последовали после первого шока, когда вытянувшаяся за лето перед девятым классом Женя, пришла в школу. Невозможно оттого, что эти самые обзывательства никак не хотели заканчиваться, словно обидчикам наступать на больную мозоль было намного интересней, чем найти себе новую жертву. Или лучше стать умнее и перестать обзываться вообще.

Женя помнила, как иногда одноклассники кидались на Машу.словно свора голодных псов они лаяли, обрѣхивали, окружали и клацали зубами, но, правда, никогда, никогда не пытались укусить. Угрожали, да и только. Но от этого было не легче. И больше приходилось загоняться и думать о том, как бы стать незаметнее. Вот Женя и выбрала существовать в невзрачной, сероватой одежде, мешковатых кофтах, и, конечно же, не краситься. Потому что таким образом девочки всегда привлекали к себе внимание, а Жене этого

было не надо.

Маша же несмотря на свой ниже среднего рост, несмотря на то, что её тоже часто задирали не только чисто из-за внешности, но и потому, что она дружила с Женей, никогда не боялась быть яркой и непослушной. Она могла огрызаться в ответ, скалиться и кидаться на руку, которая на неё показывала пальцем.

И Маше нравилось привлекать внимание. Например, Женя уже и не вспомнила бы, какой натуральный цвет волос у Маши, потому что та часто красила их. То русая мышка, то рыжая ведьма, то зеленоволосая русалка (неудачный эксперимент с басмой), то баклажан, который Жене, кстати, понравился больше всего. Также Маша красила веки разного цвета карандашами и носила броскую, выделяющую её из толпы, одежду. Казалось, она делала всё возможное, чтобы её видели, замечали. Или же она боялась затеряться среди незнакомых тел, среди толпы, которая может смести, и никто даже не заметит, что был такой человек.

За это Жене и нравилась Маша. Она не боялась быть собой. Не боялась говорить слова поперёк, не боялась, что про неё болтают в принципе.

Жене же было важно мнение всех и каждого. Она не хотела никого обидеть. Она не желала стать частью сплетен, и чтобы про неё рассказывали какие-то нелепые истории, которые потом будут знать и слышать все кому не лень. Это больше всего пугало Женю. Поэтому серость, поэтому про-

стота и смирение. Только такое развитие событий. Только такая жизнь могла быть в Посёлке.

У Маши были папа и мама. В ближайшее время должна была родиться сестра. У Жени же была только мама. Папы как будто и не было никогда, мама могла изредка вспоминать и его, и рост, которым он её покори́л, и яркую блондинистость, которая досталась Жене. Вспоминала и словно бы иногда завидовала этой яркой чёрточке в Жене, потому что сама мама имела сероватую, неприметную внешность.

Женя с мамой были разными. Мама среднего роста. Женя высокая. Мама активная и общительная. Женя закрытая, и больше любила читать книги, чем разговаривать с людьми. Мама сварливая и противящаяся тому, что ей не нравится. Женя податливая и делающая всё (или почти всё), что её попросят.

Последнее она считала своим проклятием. Это она в себе ненавидела больше всего, но никогда не могла противиться. Не могла отказаться и не делать. Чтобы окружить себя удобством. Наконец, хоть что-нибудь совершить, чтобы быть в уюте и радости от того, что она делает что-то по своей воле.

*

– Женька, ты, главное, не волнуйся насчёт выступления, – пыталась успокоить её Маша. Выходило слабо, но даже это дорогого стоило. – Концерт – это не конец света. Ну и да, всё

же будет полезно поучаствовать в этой вакханалии.

Маша заулыбалась, отворачиваясь от поднимающегося ветра. К вечеру становилось холоднее.

– Да пока переживать нет смысла. Обычно Снегурочки на таких выступлениях появляются в паре сцен, так что нормально, – сказала Женя спокойно, желая показать свою беззаботность, но лёгкое волнение всё равно уже копошилось внизу живота, норовя перерасти в совершенно нелёгкую панику.

Перед началом учебного года Маша рассталась с парнем, который приезжал на лето из города к бабушке. И сейчас заботливость из неё прямо-таки изливалась, распространяясь на всех дорогих ей людей.

Из-за роста у Жени парня не было. Точнее, он был до девятого класса. В конце восьмого она встречалась с Максом, который был на год младше (и боже, как же ей нравилось его имя). Женя уже тогда была с ним одного роста, но не придавала этому значения, не задумалась, даже никакой тревожный звоночек не раздался в голове. Они расстались в мае, буквально перед последним днём: потому что наступало лето и встречались бы они реже, но и потому, что Макс поехал в санаторий в Сочи, где (и Женя догадывалась, что так и случится) он начал встречаться с девочкой из другого города. Но так как Женя с ним рассталась до этого, то никакой обиды не было, никакой злости. Только принятие: ну, случилось так, ну что поделать, не волосы же рвать на себе.

А волосы у Жени были волшебные. Она чувствовала в них силу и красоту. Чувствовала, что это единственно красивая частичка, что досталась ей от отца. Рост туда она не смогла бы включить. Поэтому за волосами Женя ухаживала максимально тщательно: выпрашивала деньги на дорогие шампуни, пытаясь апеллировать тем, что не пользуется же она косметикой и не носит броских, дорогих вещей; расчёсывала долго и деревянным гребнем; спала с заплетённой косой, чтобы волосы не путались.

Женя прекрасно помнила, какие длинные и тяжёлые у неё были раньше волосы. Какая великолепно белая и выделяющаяся была коса. И как мама с удовольствием заплетала корону на голове, отчего Женя чувствовала себя важной особой – королевой, царевной, что в любой момент может распустить свои косы и покорить всякого принца.

Но после того как рост вытянулся, и стало понятно, что Женина особенность теперь не только в красивых белых волосах, но и в том, чтобы беспрепятственно доставать с верха серванта коробки с посудой, она поняла, что не сможет и дальше носить эту красоту, которая часто выделяла. Куда уж больше любопытства?

Мама была против стрижки. Но именно в этот момент Женя «встала в позу», как рассказывала мама подругам. Но Женя не могла поступить иначе: коса – это броскость, броскость – внимание, внимание – обзывание. Именно такая была у неё в голове закономерность. И ещё она с ужасом представляла,

как мальчики, которые захотят над ней поиздеваться, — или даже девочки — хватают за эту косу. И тянут. И пару раз такой сон снился Жене. Да ещё был страх, что косу отрежут. И Женя решила, что лучше сама это сделает, чем подвергнется такому насилию. А выглядело бы это именно так.

*

Женя и Маша расстались на перекрёстке возле автостанции, где на улице стояли пару человек в ожидании автобуса. Маша всё заверяла, что концерт пройдёт на ура. Женя соглашалась, пытаясь поверить в это. Но почему-то казалось, что обязательно что-нибудь случится. Ну не может выступление в старших классах пройти без происшествий. Или всё же может?

Глава 2. Дима

Вторник обещал быть волнительным и бодрым. От планов и мероприятий, что начинались с этой недели, Дима чувствовал приятное волнение и совсем немного гипервентиляцию лёгких. Он сосредоточился на дороге в школу, на воздухе, что охлаждал горло, потому как дышал Дима часто и поверхностно, сосредоточившись на лужах, что покрылись лёгкой корочкой льда, которую уже кто-то успел похрустеть.

Вчера к ним в кабинет после уроков заявила Людмила Анатольевна. Говорила про новогодний концерт, к которому уже пора готовиться, про выступления, про постановку, которую в этом году она решила «сделать оригинальней и заковыристей». И Дима даже не ожидал, что его выберут на одну из ролей, а выступить он как раз хотел: сказывалось желание под конец обучения участвовать в школьном активе всё больше, чтобы потом было что вспомнить.

Раздевалка наполнилась голосами и кричащими пятиклассниками, которые, казалось, наводняли её уже часов с восьми, хотя уроки начинались без пятнадцати девять.

– Димочка, привет! – приторно-сладкий, разбавленный лёгкой хрипотцой голос Карины догнал его на выходе из раздевалки. Она легонько провела ему по плечу и улыбнулась, показывая идеально ровные, но желтоватые зубы. – Как про-

шли выходные?

– Привет, неплохо, – усмехнулся Дима, чувствуя, как потянулись к ним взгляды младшеклассников. – А у тебя как?

– Ой, отлично, – расплылась в улыбке Карина, видимо, довольная тем, что её спросили. – Юльчик приходила в гости, смотрели с ней кино, потом под вино до ночи болтали.

– Устроили девичник? – для приличия спросил Дима.

Они шли по школьному крылу, где по паркету разносилось уверенное цоканье каблучков Карины.

– Ну да, мама опять по делам уехала, – добавила она вроде как беззаботно, но шаг сбился.

– А что, Сергей твой не приезжал? – решил уточнить Дима опять же для приличия. Так-то ему было неважно на суженого-ряженого Карины, который учился на первом курсе энергетического института, и которым она гордилась.

– Не-ет, у него не получилось, – печально проговорила Карина, неловко цепляя Диму под локоть. Но прошла она так недолго: было неудобно – невысокий Дима и Карина на каблучках не совсем подходили для прогулки под ручку.

Из-за угла на них вынырнули две девушки из десятого класса. Дима знал их только благодаря необычности их пары: одна высокая, даже выше Карины, даже выше Степанова из их класса, и бледная, а другая низкая, шумная и чересчур эмоциональная для такого маленького человечка.

Сориентироваться никто из них не успел, и высокая девушка, которую вроде звали Женя, налетела на Карину. А

Карина даже в самые светлые дни могла вылить на несчастного зацепившего её человека столько грязи, что неделю пришлось бы отмываться от неё. И потом ещё неделю выскабливать остатки из складочек.

– Слышь, ты, шпалера, смотри, куда ставишь свои костыли! Ты мне все носки отдала, жираф белобрысый!

Дима заметил, как скукожилась Женя, открывая рот то ли чтобы оправдаться, то ли извиниться. Заметил, как некрасиво покраснелась Карина, и как выпучила глаза, а та, другая, маленькая девушка заулыбалась и... расхохоталась.

– Боже, Трошина, ну ты и тупая.

– Ч-что? – Карина покраснела ещё больше, но замолкла, перестала голосить и плевать слюной.

Диме стало неудобно: ему не нравилось, когда девочки ругались, когда пытались в разборки, как заносчивые пацаны. Словно нельзя решить проблему разговорами, но спокойно, достичь согласия и разойтись. А чтобы орать и метать молнии... Диме нравились женственные и тихие девушки, которые могут постоять за себя, но грамотно, чтобы без взаимных оскорблений. А здесь же происходил какой-то балаган.

– Говорю, учиться надо лучше, а потом уже начинать оскорблять людей, – низкая девушка задумалась. Дима вспомнил, что её звали Маша. – Да и после этого лучше не обзывать. Ничем хорошим это не кончится.

Всё ещё качая головой, Маша схватила Женю за рукав и потащила мимо. Карина выпученными глазами посмотрела

им вслед.

— Нет, ты видел! — она опять начала громко возмущаться. — Совсем обнаглели мелкие. Как будто не мы в одиннадцатом, а они!

— Так-то они младше всего на год, — не понял Дима, идя на первый этаж за Кариной, которая уже не стеснялась быть не милой.

— Да мне по фиг! — зло огрызнулась она, отчего проходящие мимо школьники притихли, стараясь прошмыгнуть тише, незаметней. — Тоже мне, умные нашлись. Ну ничего, я найду на них управу.

Дима решил промолчать, но успел недовольно поджать губы. Карина побесится и успокоится, а слушать её о том, что люди обнаглели оттого, что просто ходят... это было выше его понимания.

*

Уроки пролетали незаметно, насколько это было возможно во всего лишь второй день учебной недели. На большой перемене во время обеда Дима слышал, как Карина возмущённо рассказывала Юле о произошедшем утром, тыкая при этом в Женю и Машу, которые словно не замечали многочисленных шепотков и взглядов в их сторону. Хотя Дима подозревал, что им тяжело было мириться с подобным отношением. Он и сам знал о проблеме роста не понаслышке.

Родители Димы были невысокие, да и как он понял, в его семье даже раньше не было высоких людей. Поэтому он и сам оказался довольно низкого роста по сравнению с, например, одноклассниками. И никакие успокоения родителей два года ранее не убедили его, что он вырастет. Как был Дима сто шестьдесят два сантиметра, так и остался. В то время как остальные одноклассники добрались до отметки среднего роста парней.

Вначале над ним посмеивались, называли коротыш, но когда Дима начал заниматься в качалке и набирать мышечную массу, чтобы при случае дать отпор, был издевательств поутих: одно дело – моральное давление, но Дима совершенно не желал, чтобы его запирали в туалете и там заставляли чистить чьи-нибудь кроссовки, потому что рост, видите ли, позволял.

Да и к одиннадцатому классу одноклассникам как будто стало не до этого: необходимо было готовиться к экзаменам, к выпускному, к новому этапу жизни, что скоро должен был их завертеть и закрутить. Они все словно повзрослели, правда, иногда в их взглядах проскальзывала насмешка, когда Дима выходил отвечать. Хотя, казалось бы, возле доски все одинаковы, все одного роста, к чему этот смех и кривая ухмылка?

Дима задумался. Нет, эта Женя точно возле доски выделяется. И может с лёгкостью достать до верхнего угла, чтобы стереть обзывательство о себе. Не то что Дима.

– Ты есть-то будешь? – Егор легонько толкнул Диму в бок.

– Да, да, буду, – Дима отвёл взгляд от Жени, бо́льшая часть которой была под столом. Чёрт, как же она стеснялась своего роста. Даже сильнее, чем Дима.

– Ты чего сегодня так пялишься на неё? – усмехнулся Егор, утаскивая хлеб с тарелки Димы.

– Да мы столкнулись перед уроками, Каринка её обложила матюками. Как-то жалко девчонку стало, – пожал плечами Дима, не обращая внимания на уменьшившуюся порцию.

– Уверен, она не дала себя в обиду и что-то ответила, я прав? – хохотнул Егор. – Эта мелкая такая шубутная, жесть.

– Нет, я не про Машку, – Дима нахмурился, понимая, что да, Маша-то ответила, она-то постояла, хоть и не за себя. – А про светлую, Женю.

– О, эта, – жуя, проговорил Егор. – Она странная, и тихая. И о-очень высокая. Красивая, конечно, но не в моём вкусе.

Егор улыбнулся, запивая съеденный хлеб сладящим чаем.

– Да уж, тебе только брюнеток и подавай, – фыркнул Дима, мысленно соглашаясь с Егором: Женя и правда была по-своему красивая – пухлые губы и чуть раскосые голубые глаза, холодное блондинистое каре, которое всегда было идеально прямое, отчего подчёркивало её худоватое лицо. И длинные ноги, которые она постоянно прятала за джинсами и спортивками. Дима не помнил, видел ли её когда-нибудь в юбке.

– Хватит пялиться, это уже странно, – кашлянул Егор.

Дима понял, что и правда засмотрелся, но не успел отвернуться, не успел спрятать своё любопытство в тарелке с макаронами и котлетой, – Женя подняла светлые, льдистые глаза и посмотрела прямо на Диму.

Его бросило в жар от неловкости и пронзительности её ответного взгляда. Казалось, она поняла, что он думал, потому как Женя улыбнулась. Но потом он заметил, что улыбка предназначалась не ему, а Маше, которая как раз в этот момент что-то говорила и сама почти смеялась.

Дима повернул голову к Егору, чувствуя, что щёки стали горячими.

– Да ты, друг, покраснел, – довольно прошептал Егор, поглядывая на девушек. – Хм, кстати, мелкая тоже ничего. За лето похорошела, чёт я этого не замечал.

– Теперь ты на них пялишься, – ухмынулся Дима, возвращаясь к обеду.

– Ну и ладно. Смотреть пока не запрещено, – Егор пожал плечами, допивая чай. – Пошли, нам ещё параграф повторить надо. А то Филя с первых спросит, память у неё дай боже.

В ответ Дима простонал. Параграф-то он прочитал, по возможности запомнил, но это не отменяло того факта, что историю Дима терпеть не мог. А Надежду Юрьевну, что её преподавала, не понимал: она уж сильно строго и серьёзно спрашивала свой предмет. Так, словно ничего другого в школе больше не рассказывалось и каждый из учеников меч-

тал пойти только на историческое или юридическое направление.

*

В одиннадцатом классе у них каждый день было по шесть уроков. Но по вторникам последним уроком был факультатив по литературе и по информатике: смотря кому и куда надо. Дима собирался пойти на физико-математическое направление и записался как раз на физику и алгебру, а информатику выбрал на всякий случай.

После шестого урока Дима и Егор пробирались через ещё оставшихся школьников на репетицию в актовый зал, в котором до сих пор стоял запах полуфабрикатных котлет, так как зал был по совместительству и столовой.

– О, смотри, подруга твоя тоже здесь, – прошептал Егор, но Дима задумался о Жене, которую, по причине малого количества учеников в школе и размера самой школы, видел почти на каждой перемене.

Конечно, он замечал её и в прошлом году. Особенно после того, как она вытянулась и стала привлекать внимание каждого ученика. Но в этот день всё было как-то не так, иначе. Может, он впечатлился столкновением, а потом зрительным контактом? Только этим Дима объяснял свою задумчивость.

– Что? – переспросил он, возвращаясь из мыслей.

– Шпала здесь, говорю, – шепнул Егор, потому как они

уже приближались к небольшой кучке, как догадался Дима, выступающих.

– Не называй её так, – резко остановился Дима и строго посмотрел на Егора.

– Прости, – Егор поднял руки в знак капитуляции, – я не знал как сказать, чтоб ты понял.

– Её зовут Женя, – тихо проговорил Дима и разжал кулаки, которые... когда он успел разозлиться?

– Ага, отлично, мальчики пришли, – рассматривала подходящих Людмила Анатольевна. В руках она держала массивную папку и выглядела слишком радостной и довольной, словно недавно получила пятёрку по трудному предмету. – Прекрасно. Так, а где Трошина? Где эта звезда?

Дима с Егором переглянулись.

– Домой вроде бы ушла, – наконец сказал Егор.

В стороне кто-то фыркнул и проговорил: «Не удивительно».

– Ну я же ей сказала... – начала было распалаться Людмила Анатольевна, но замолчала, потому как со стороны вестибюля послышался частый перестук каблуков, который перешёл на лестницу, на коридор. И в зал торопливо зашла Карина.

– Я пришла, – выдала она под аккомпанемент своего частого дыхания с лёгкими присвистами, словно не бегала с рождения.

– Трошина, ты в своём репертуаре. Хоть бы извинилась, –

покачала головой Людмила Анатольевна.

Карина пожала плечами и, бросив сумку на край сцены, села рядом с Димой и Егором.

– Отлично, теперь все в сборе, – Людмила Анатольевна с хлопком опустила толстенную папку на сцену и опёрлась на неё же.

Дима осмотрел собравшихся: шесть человек из его класса, трое из параллели, двое из десятого «б» – вроде немного народу, а дышать уже тяжело.

Женя мельком глянула в его сторону, но быстро отвернулась. Но Дима заметил, как она невесомо, словно собственным мыслям, улыбнулась. А у неё была милая и загадочная улыбка, как у девушек прошлых веков, которых рисовали художники. Губы Димы дрогнули, но в мысли вновь ворвался голос Людмилы Анатольевны.

– В этом году я решила поставить немного нестандартную постановку с Дедом Морозом и Снегурочкой. Как я говорила, это будет кое-какое переплетение сказки «Морозко», которую вы наверняка смотрели, сказки «О мёртвой царевне и семи богатырях», ещё будет взято немного деталей от «Петушок – золотой гребешок», ну и чуть атмосферы «Снежной королевы».

– Вот это микс! – присвистнула Маша, покачивая ногой. Женя рядом с ней молча и спокойно наблюдала за Людмилой Анатольевной.

– Да, зато вам будет интересней. Сейчас мы начнём по ро-

лям читать сценарий, и вы увидите, в чём смысл истории. Вопросы есть?

Карина рядом с Димой фыркнула, будто Людмила Анатольевна говорила какую-то ересь.

– Главное – не опозориться, – выдохнула Карина.

– Что ж, – продолжила Людмила Анатольевна, но её перебила поднятая рука Егора.

– А если я не знаю какую-то из сказок?

– Твои проблемы, – отрезала она. – Тогда тебе дополнительное задание на дом: прочитать, ну или посмотреть, сказку.

– Э-э, но вы говорили, что мы будем освобождены от домашки, а не давать нам что-то дополнительно сверху, – громко возмутился Егор, от негодования хлопнув ладонями по бёдрам.

– Не нам, а тебе, – махнула рукой Маша. – Не надо тут обобщать.

Дима усмехнулся, Егор исподлобья глянул на него, но промолчал.

– Да, домашнего задания вам можно будет делать меньше, но если оценки испортятся, то меня винить никто не будет, а только вас. Поэтому в ваших же интересах не забрасывать учёбу и сильно не расслабляться. Всё же это развлекательный концерт – относимся серьёзно, но не до такой степени, чтобы потом, в новом году, навёрстывать, как умалишённым. Понятно?

Людмила Анатольевна посмотрела в глаза каждого, в то время как вокруг неё разливалось неуверенное, но дружное протяжное «поня-ятно».

– Отлично. Теперь расскажу вам про роли и про номера, и слова раздам – вам повезло, что они не в стихотворной форме. Если забудете, сможете симпровизировать, но обязательно с передачей смысла.

Людмила Анатольевна подхватила папку со сцены и раскрыла её, достала оттуда листы, много листов. Дима заметил, как она хитро улыбалась и изредка посматривала то в сторону компании Димы, то на Женю и Машей, словно что-то задумала такое, отчего сейчас разразится дикая, захватывающая интересность.

Дима заметил, как Женя сцепила руки на груди, как тяжело выдохнула и перетрясла плечами, а потом она опять, как и в столовой, посмотрела на него. Прямо и чуть испуганно, будто почувствовала взгляд, но не ожидая, от кого он будет.

Дима улыбнулся ей. Непроизвольно. Женя часто заморгалась и на долю секунды нахмурилась, но всё же улыбнулась в ответ. Опустила глаза в пол, покачала головой и посмотрела уже на Людмилу Анатольевну, которая раздала мелкие роли и добралась до главных. Егору достался Ветер, который будет помогать Богатырю в поисках.

– Богатырь, что будет спасать Снегурочку и подарки – Дима Ковалёв.

Дима поднялся и подошёл к протянутым листам. Так и

подмывало спросить не из-за роста ли и мышц ему приписали эту роль, но промолчал.

– М-м, силач, – хохотнул Егор, когда Дима вернулся на место. – Кого же ты будешь спасать?

Дима понял, что Егор намекал на Карину, которой ещё не дали роль, на Карину, которая с начала года больше всего проявляла внимание к Диме, чем к остальным парням из класса. И это было для него до сих пор мало объяснимо.

Он видел, как Карина расправила плечи, приосанилась и выпятила подбородок вперёд, словно уже представляла, как важно и величественно будет ходить на празднике, как отчаянно просить Диму спасти её.

– Да-альше, – протянула Людмила Анатольевна и подняла один из листков к глазам. Чуть прищурилась, словно и не она сама там это всё писала. И, наконец, продолжила: – Баба-Яга у нас Карина Трошина.

Карина сдулась. Она недоумённо открыла рот и резко захлопнула его, глянув на остальных участников постановки. Дима заметил, как недовольно Карина поджала губы и грациозно пошла за словами, будто показывая Людмиле Анатольевне, – да и всем остальным, – кого же потеряли для роли Снегурочки.

– Проклятая Баба-Яга, – фыркнула Карина, присаживаясь рядом с Димой, но она тут же просияла и хитро прищурилась: – Зато я буду строить тебе козни и мешать.

– Ага, будешь, – неопределённо ответил Дима, обращаясь

в слух. Всё же именно Снегурочку ему придётся спасать – и праздник, – и было интересно, кто её сыграет. И были у него некоторые догадки...

– Снегурочка, – торжественно продолжила Людмила Анатольевна. И только барабанной дробью не хватало, чтобы ещё больше понагнетать обстановку.

Дима скосил глаза на Женю, которая, сжав кулаки на груди, что-то шептала себе под нос. Маша слегка похлопывала её по локтю, словно успокаивала. Напряжённые плечи и подрагивающие крылья носа говорили о недовольстве, нежелании участвовать в происходящем. И чего она тогда здесь делала?

– Дед Мороз – Никита Романов, – резко сказала учительница и сама подошла к Никите, который тихо и неприметно сидел позади Жени.

Никита был из параллели Димы. Высокий, худоватый для своего роста, но всё равно внушительный. Дима с ним пересекался редко, потому что Никита был отстранённый, нелюдимый. Даже было интересно и необычно, что его позвали играть Деда Мороза. И как его уговорили на это?

– Снегурочка – Короткова Женя, – быстро добавила Людмила Анатольевна, передавая теперь уже Жене листы.

– Что-о? – достаточно громко зашипела Карина. – Она?! Возмущённо гадючные её слова потонули в привлекающих внимание хлопках Людмилы Анатольевны.

– Сейчас мы с вами прогоним, почитаем по ролям. Без

движений и мимики. Есть вы и ваши слова. Гляну, всё ли нормально. Ковалёв, принеси-ка мне стул.

Ни тебе «пожалуйста», ни тебе «будь любезен». Поднимаясь, Дима обречённо выдохнул, желая верить, что Людмила Анатольевна не со зла так ими командует, а вошла в роль организационного распорядителя.

Когда они расселись в кружок, когда Людмила Анатольевна посадила их четвёрку главных персонажей в центре, когда с одной стороны Димы оказалась Женя, а с другой – Карина, он опять почувствовал, как кровь окрашивает и без того покрасневшиеся от духоты в зале щёки.

Женя сидела бледным привидением, неловко поджав ноги под стул. Дима решил, что это должно быть неудобно, и сам, не осознавая, почему, сел прямо, расправил плечи, отчего получилось, что на Женю он глядел сверху вниз.

Она приподняла подбородок и выглянула из-за листов, осмотрела его позу, и уголки губ у неё дрогнули, словно Женя собиралась улыбнуться, но передумала.

Остальных, кто не играл, отправили домой, и осталось их в актовом зале чуть меньше.

*

– Спаси меня, милый Богатырь, отведи на праздник, верни к бабушке.

Когда Женя прочитала первую фразу своим мягким, неж-

ным голосом, которым только и рассказывать истории на ночь, у Димы по ногам пошли мурашки, уверенно направившиеся к пояснице. Он почувствовал какое-то дрожание от знакомого успокоения. Было в тембре и интонации Жени нечто такое чуткое и трепетное, что хотелось слушать её и слушать.

«Богатырь поражён красотой Снегурочки, но отвечает ей уверенно», – гласила выделенная курсивом надпись в бумажке Димы. Он прочитал свои слова о «я тебя сберегу» и «доверься мне», после чего поднял глаза.

Что дальше читала Женя, он слышал, словно через помехи или пургу, что запутывает и сбивает с пути. В голове шумело, уши загорелись, а он всё смотрел, как губы – верхняя совсем незаметно, но чуть больше нижней – приоткрываются, как мелькают светлые зубы, когда Женя старалась чётко, с расстановкой, прочитать слова, что впервые видела. Как она хмурилась, пытаясь сориентироваться в написанном, как дрожали её пальцы, державшие листы, и как эти самые листы стали чуть влажными в этих местах.

– А ну стоять, не уйдёте от меня! – вначале Дима услышал слова, что преувеличенно громко, кричаще, были сказаны прямо возле его уха. Только потом он почувствовал запах Карины, что в одиннадцатом классе увлеклась большим количеством цветочно-сладостного парфюма, и также ощутил тяжесть на руке: она всё же опять повисла на его локте. И что это у неё за нежности такие сегодня? Почему решила

так часто трогать его и разговаривать с ним?

Дима, как мог, аккуратно выпутался и глянул на Женю. Ему показалось или она и правда скривила губы? Ей не нравились нежности? Или Карина? Или Дима? Ему стало интересно, что это за реакция такая.

*

– Отлично! – воскликнула Людмила Анатольевна, когда они закончили читать по ролям: Баба-Яга была прощена, а подарки и Снегурочка вернулись к Деду Морозу. – Превосходно. На сцене, конечно, придётся читать громче – микрофонов на всех не хватит. И двигаться, да-а. И контактировать со своими собеседниками. Трошина, молодец, хоть и было немного несвоевременно.

Карина уже давно не держалась за Диму, но сейчас отпрянула от него, покраснела. Сидящие хохотнули над этим, из-за чего Карина осмотрела каждого, особенно дольше всего задержавшись взглядом на Жене, на её скомканной позе. Но ничего не сказала, что удивительно. И Дима успел подумать, что здравый смысл в ней всё же присутствует.

– Так, время... – Людмила Анатольевна поднесла кисть к лицу, всматриваясь в маленькие часики на руке. – Позднее. Вам ещё делать домашнее задание. Поэтому всё, можете идти.

По потемневшему залу разнеслось недовольное гудение.

И как такое небольшое количество людей умудряется порождать столько звуков? Словно где-то за стенкой заработала дрель и сверлит, укает, давит на мозги.

Дима встал и с удовольствием потянулся: после долгого сидения на уроках в школе ему всегда казалось, что его позвоночник спрессовывается, укорачивает его тело до невозможности. Потягиванием после каждого урока он старался исправить естественную усадку организма за день, но получалось не очень.

Занимаясь в местном небольшом спортзале, который открылся буквально два года назад, он старался распределить нагрузку на все мышцы, но больше всего ему нравилось просто висеть. И если год назад некоторые посмеивались над этим его пристрастием, то сейчас, когда Дима сам стал старше и больше, никто даже не улыбался, когда он шёл на брусья.

– Так, я побежал домой, мама написала, сказала, что скоро будут звонить какие-то родственники, надо будет ответить, всё, давай.

Дима только и успел пожать Егору руку, как его сдуло ветром. Ну, или он сам стал ветром.

Раздевалка у одиннадцатого «а» была на втором этаже, где и остались вещи, правда придётся спасаться через главный вход, потому что раздевалки уже закрыты – вот тебе и минусы оставаться допоздна в школе.

– Ведьмой! Она поставила меня играть ведьму, – негодо-

вала Карина, широко шагая, отчего казалось, что она каблуками заколачивает гвозди в несчастный паркет.

– Баба-Яга не ведьма, – задумался Дима. – По крайней мере, не простая. И не только.

– Да не суть, – оборвала его Карина, ставя сумку на подоконник и надевая пальто, которое у неё почему-то было с собой. Голос её стал повышаться по мере того, как Дима приближался к раздевалке, пропадал в ней, словно хотел спрятаться от громкости и бессмысленной тирады о несправедливости. – Это я должна была быть Снегурочкой. Ну на крайний случай сказочницей. А то что... ведьма?!

– Твой темперамент больше подходит для этой роли, – спокойно проговорил Дима. Вестибюль был уже пустой. Все ушли. Дима раздражительно выдохнул, не понимая, кого именно он собирался перехватить. И с какой целью.

– Тоже мне, вспыльчивость не показатель того, кого мне играть, – дёрнула плечом Карина.

– Но с ней можно совладать, приструнить, чтобы в следующий раз тебе не давали ведьму. Тьфу ты, Бабу-Ягу, – улыбнулся Дима, надевая тонкую шапку.

– Ха, больно надо, – воскликнула Карина, пугая пожилого охранника с красными, дряблыми веками над ещё живыми и блестящими глазами. – Ещё чуть больше полугода и всё, никаких нам концертов.

Они стояли на крыльце. Карина была в как будто лёгком пальто, на шее не было ни шарфа, ни горла какой-нибудь во-

долазки, а на голове не было шапки, только тёмные, местами со светлыми, желтоватыми прядками волосы. И хоть Дима чувствовал температуру и холод иначе, его всё же перетрясло от вида Карины.

– А в институте ты не собираешься участвовать в подобных мероприятиях? – удивился Дима, стоя под зимним, промозглым ноябрьским ветром. Застегнул куртку до самого подбородка.

– И без меня будет кому заниматься подобной ерундой, – Карина расправила плечи, словно и не замечая холодного ветра, что крутился на школьном крыльце, закидывая на её лицо волосы то с одной стороны, то с другой.

Дима промолчал. Если человек думает, что это ерунда, если ему это не интересно, то чего напирать и пытаться донести свою точку зрения?

– Ладно, я пошла, – Карина похлопала по карманам, словно что-то проверяя. – Надо ещё порядок дома навести к машиному приезду.

– А-а, – протянул Дима. – Поэтому ты никуда не торопишься?

– А что дома делать? – выдохнула облачко пара Карина, задумчиво поглядывая прямо. – Всё, пока.

Карина вяло улыбнулась, махнула рукой и пошла по лестнице к бюсту Ленина, и дальше, домой.

Из-за невысоких, одноэтажных домиков, что стояли по обе стороны от широкой заасфальтированной в рытвинах дороге, как раз и гулял ветер, путался в частично голых ветках, срывал жухлые листья и бросал их под ноги, под колёса, разводил грязь и скользкость.

Когда Дима повернул за розоватое здание, где сейчас открылся магазин с канцтоварами, и где раньше, как говорили, была гостиница, он заметил, как впереди по улице шёл человек: высокий, тонкий, в еле прикрывающей зад курточке, с пакетом в руке и рюкзаком за спиной.

Дима знал, что Женя жила недалеко от него, но он никогда с ней не пересекался.

Глава 3. Женя

Спрятав хлеб и сыр в пакет, Женя вышла из магазина. Ветром принесло листок, опуская его прямо на плечо, но тотчас забирая с собой, словно говоря: полюбовалась и хватит, теперь отдай.

Женя с умиротворённой улыбкой посмотрела в небо. Она часто смотрела в небо, пытаясь понять: стало ли оно ближе к ней, чем было раньше, когда она ещё не успела вытянуться? Когда мама не смотрела не неё снизу вверх и не говорила, что дочь пошла в отца, а потом неопределённо усмехалась, словно сказала отличную шутку... Улыбка сошла с лица Жени, что первый снег, который успел выпасть на каникулах, но так и не дожил до начала второй четверти.

Женя, спрятав руки в карманы тонкой куртки, еле прикрывающей зад, пошла домой против ветра, который из всех сил старался её сломать и склонить, словно молодое деревце. Но Женя-то знала, что молодые деревья более стойкие к ветрам и бурям, что они на раз-два переживают шторма и держатся за счёт своей некоторой пластичности и гибкости. Но Женя не чувствовала никакой гибкости и приспособленности к обстоятельствам со своей стороны. Да и шторм затянулся: уже невозможно было выносить нападки и обзывательства одноклассников. И ладно бы только их. С недавних

пор вот и старшекласники навалились. Мёдом Женя, что ли, намазана? Сколько её можно донимать? Вон, в одиннадцатом «б» есть мальчик в очках. Интересно, почему его не дразнят?

Женя резко остановилась. Это были неправильные мысли, плохие. Она прекрасно понимала, что желать перекинуть свою судьбу изгоя (хотя, какой она изгой, если у неё есть подруга, да и сосед по парте, Олег, с ней разговаривал), отщепенца и груши для битья было верхом эгоизма... ну или желания жить более спокойно.

Нет, её никогда не караулили на улице, не выслеживали после школы. До этого не доходило. Только в школе Женя чувствовала себя ненужной и не такой, как все. И немножко дома. Она и была не такой, как все. Была выше, тоньше, местами умнее. И именно это не нравилось её одноклассникам. Особенно парням было сложно смириться с тем, что какая-то девчонка выше их. И во время физкультуры может спокойно попасть баскетбольным мячом в корзину.

Усмехнувшись, Женя широко шагнула: стоит как полоумная посерёд дороги, смотрит вдаль, ничего не делает. Не удивительно, что над ней издеваются в школе...

– Женя, подожди.

Голос позади заставил вздрогнуть и замереть, как газель, что увидела в кустах льва и надеется на незаметность.

Через пару секунд её нагнал Дима. Он раскраснелся, улыбался так ярко и широко, что Женя заметила у него на одном

из клыков небольшой скол и обветренные губы. Женя успела подумать, что если он их не увлажнит, то через пару дней будет страдать кровоточащими трещинками. Женя улыбнулась своим мыслям, что вот, ещё не успели они раззнакомиться, а она уже беспокоится о его губах. Смешно вышло.

– Знал, что ты живёшь в этой стороне, но никогда не стал-кивался с тобой. Почему? – Дима смотрел на Женю внимательно, чуть щурился, пока ветер нёс влажный осенний воздух ему в лицо.

Она смотрела на Диму чуть наклонив голову вниз. С непривычки ей показалось, что он выше, чем многие с ней разговаривавшие люди. А потом поняла, так и есть: Маша чуть выше метра пятидесяти, мама где-то в том же диапазоне.

– Потому что я хожу домой в другой время, – подняла брови Женя. Уже неторопливо, стараясь шагать не так широко, словно идёт с Машей, Женя пошла дальше.

– А в школу ты во сколько выходишь? – Дима пристроился рядом, делая примерно такой же длины шаги, что удивило Женю. Маша или мама обычно семенили рядом, словно Женя всегда отдалялась от них как скоростной поезд.

– Рано, – только и ответила она.

Не хотелось уточнять: на всякий случай ходит пораньше, чтобы не напороться в раздевалке на одноклассников или младших учеников, которые часто бывали наглее и более жестокими, чем взрослые. Это, кстати, пугало больше всего.

Одно дело получить кличку или пинок от ровесников и совсем другое от мелких гадёнышей, которых потом и не поймаешь, и не отругаешь. Хотя Маша умудрялась к ним ходить и чинить разборки. После они слегка успокаивались, но бывали периоды активности. И Женя всеми силами старалась оттянуть начало этих периодов как можно дальше.

– А раньше ты выходила на улицу? С кем-нибудь дружишь из соседних домов? – Жене показалось, что никакого злого умысла в вопросах Димы нет – ну интересуется просто так, идут вместе – не молчать же.

– Нет, я ходила к Маше, там болталась. С моей улицы я зналась только с Леной Соболевой, но она в восьмом классе уехала отсюда – мама её забрала в Смоленск.

Женя помнила, как близки они были с Леной. До восьмого класса росли с одинаковой скоростью и в одинаковых пропорциях. Интересно, как выглядит сейчас Лена?

– О, Лену помню. Её бабушка с моей дружила. Они вечно чем-то огородным делились и сплетничали, если встречались или звонили друг другу, – воодушевился Дима, словно ему было в радость найти общих с Женей знакомых.

Они прошли мимо поворота на стадион, приблизились к мелкому вонючему ручью, который перед зимой чуть подсох.

– Как тебе концерт? – наконец спросил Дима.

Женя боком глянула на него. Почему он казался выше, чем остальные? Может, это какой-то обман зрения? Или у

него обувь на платформе? Женя решила, что потом обязательно посмотрит и проверит его обувь.

– Ужа-асный, – протянула Женя и закатила глаза, отчего Дима смешливо фыркнул. Она удивлённо глянула на него, не ожидая такую реакцию, и продолжила: – Всё понимаю, надо показывать уже знакомое и стандартное, но для чего было брать высоких нас, в смысле меня и, хм, Никиту, в качестве главных героев?

Женя тяжело вздохнула.

– Так вы будете выглядеть более нереальными и сказочными, не от мира сего. Слово и правда пришли из сказки, чтобы порадовать подарками и проучить Бабу-Ягу, укравшую праздник.

Женя остановилась на повороте на свою улицу. Дима встал напротив неё: голова приподнята совсем чуть-чуть, но взгляд не исподлобья, а более прямой и совершенно ненапряжённый.

– Чтобы зрителям и выступающим казалось, что на самом деле пришли сверхъестественные существа, которые встречаются только в сказках и мультфильмах? – уточнила Женя, понимая, что слишком уж необычно звучит эта идея, которая, на самом деле, вполне допустима.

– Точняк, – показал указательным пальцем на неё Дима, как бы закрепляя сказанное. – Ну ладно, я пошёл. Пока.

– Пока, – Женя качнула головой, разворачиваясь, чтобы уж точно добраться до дома и принести маме сыр, с которым

она собиралась приготовить макароны на ужин.

Но Женя вспомнила, что хотела посмотреть на обувь Димы, и обернулась. У него были обычные чёрные кроссовки, никакой платформы в них не было отродясь. И пока Женя медленно шагала и одновременно смотрела на них, Дима обернулся и глянул на неё в ответ. Улыбнулся одним уголком губ, словно как раз и ожидал этого, и чуть ли не вприпрыжку пошёл дальше. Женя же испуганно отвернулась от него, чувствуя, как загорелись щёки от этой улыбки: такая она была кривоватая и словно бы неправильная, но шла ему. Много ли неправильного шло Диме?

*

Мама что-то печатала в компьютере, заполняла таблицы, стирала, вновь добавляла недостающие данные.

– Чего так долго? – она поднялась со стула, который на самом деле был табуреткой, потянулась и тяжело выдохнула, словно Женя испортила весь этот вечер с самого утра. – Макароны уже остыли, ни один сыр на них не растает.

– Давай я погрею их на сковороде? – вопросительно проговорила Женя, разматывая шарф.

– Давай, – мама ушла на кухню и зашумела водой, наливаемой в чайник.

– Так где ты задержалась-то? – уточнила мама, возвращаясь за компьютер. Женя в этот момент была уже на кухне и

получилось так, что мама прокричала вопрос. Жене никогда не нравилось перекрикиваться через комнаты. Это выглядело так по-деревенски и было шумно, аж голова иногда после этого болела.

Женя вернулась в зал и тяжело опустилась на диван.

– Ну я же рассказывала тебе, что в новогоднем концерте участвую. Сегодня нам раздали роли, и мы прогоняли слова.

После этого дня болела спина, и ноги немножко гудели, словно Женя весь вечер играла в баскетбол.

– А, да, вспомнила, местная Снегурочка. – Усмехнулась мама в монитор, после чего резко оборвала смехок и повернулась: – Опять на тройки скатишься?

– Н-нет, – неуверенно ответила Женя, не зная, скатится ли на тройки.

Вероятно, мама вспомнила начало девятого класса, когда учитель физкультуры обратил внимание на рост Жени и на её способность ловко обводить мяч во время игры в баскетбол, после чего стала их команда участвовать во всевозможных соревнованиях как в их школе, так и катаясь по округе. Женя тогда съехала на тройки, и даже не помогали призовые места. Учителя были снисходительны, но только до четверок, да и то с большими минусами, да и то редко. То время было для мамы слишком стрессовым, так как она тоже ходила в школу, чтобы вымолить Жене парочку положительных оценок: близилось получение аттестата.

– Смотри мне, будешь потом все четверти безвылазно си-

дочь дома, – отвернулась мама, задрав подбородок, словно поставила точку в разговоре.

Женя поднялась с дивана и пошла к себе в комнату переодеться, по пути думая, что и так безвылазно сидит дома: в школе задерживаться нет желания и смысла; к Маше часто не нагуляешься – чего навязываться и мылить глаза; велосипед сломан – чинить его некому; бродить по посёлку? – скучно. Ещё, конечно, оставалась дискотека, на которую Женя начала ходить с лета.

Маша там была постоянным гостем. Женя же только недавно решила, что пора уже выбраться. И мама, что удивительно, была не против, а даже как будто с облегчением выдохнула, дала добро и маленький фонарик, чтобы было не так страшно возвращаться по темноте домой.

Мама ела в зале, смотря при этом какой-то сериал по телевизору. Женя осталась на кухне, в относительной тишине и спокойствии. Есть в непредназначенном для этого помещении было по-колхозски и некрасиво. И Женя знала, что любому что-нибудь уронила бы, и тогда бы мама ругалась. Интересно, если она так беспокоилась за чистоту, почему сама ужинала в зале?

– Посуду помоешь, да? – забежала мама на кухню и поставила грязную, с прилипшим сыром тарелку в раковину. – И про ведро не забывай, а то будем как в прошлый раз отмывать кухню.

Так называемый «прошлый раз» случился однажды в

седьмом классе, и мама до сих пор его припоминала.

Женя угукнула, не отрываясь от еды, стараясь не говорить.

– Вот и молодец, – мама подошла и мимолётно погладила Женю по макушке. Ушла. По клавиатуре опять застучали её отросшие ногти.

Спина ныла, стоять было невозможно тяжело, а ещё над раковиной приходилось склоняться ниже и неудобней, от этого затекала поясница, и хотелось уже, наконец, сесть, а лучше лечь, желательно возле стены и задрать ноги вдоль неё, отдохнуть.

Женя домыла посуду и вынесла ведро с грязной водой и очистками. Мама так и не обратила внимания и не повернула голову, когда Женя шла к себе в комнату.

На часах восемь вечера. Она поняла, что до самого отхода ко сну будет делать домашку: решать примеры, выполнять упражнения и учить параграфы. Официально им никто не давал отсрочку по домашнему заданию, и то, что Людмила Анатольевна сказала, договорится, ничего не значило. Женя догадывалась, что их могут теперь реже спрашивать, но как это поможет в учёбе, если контрольную с такой подготовкой по-любому они завалят? Палка о двух концах: когда рад, что можно не напрягаться с уроками, но одновременно без них не выйдет получить хорошие знания, которые помогут сдать экзамен.

И теперь ещё этот концерт, новогодний. Женя отложила

историю, с которой забралась на кровать, потому что спина протестовала продолжать сидеть на твёрдом. В голове возник образ Богатыря, который спасает Снегурочку и подарки от Бабы-Яги. Образ Димы, который будет бороться за Женю...

– Чего не учишь? – мама появилась на пороге тихим припадением. Женя вздрогнула.

– Вот, собралась, – она приподняла учебник.

– Книга закрыта, – заметила мама, складывая руки на груди и недовольно поджимая губы, словно словила Женю на страшной лжи.

– Мам, я сейчас начну, – замялась Женя, не понимая наезда. – Просто задумалась.

Правда, задумалась не об уроках, а о мальчике, который...

– Хорошо, – мама опустила руки и глянула на стол, где аккуратными стопками лежали тетради и учебники. – Ты же всё сделала? Не надо проверять?

– Мам, ну что ты как всегда? Всё я подготовила. И даже геометрию, которая будет только в четверг, – тяжело вздохнула Женя.

У неё всегда был пунктик на порядке, на красивой и приятной расстановке предметов, на пыли, которой должно быть по минимуму в нормальных, жилых домах, на складках на покрывале после того, как кровать застелена – их тоже должно быть по минимуму, и самое страшное, на траве во время прополки. Какая-то выборочная педантичность и точность

не позволяла оставить ни соринки, ни корневинки. И почему это не работало в плане уроков? Почему Женя, выполняя их, была уверена в правильности, но по итогу это не всегда оказывалось так?

Мама громко втянула воздух, будто хотела сказать много чего, выложить всё, что накопилось за последнее время. Но промолчала. Только кивнула и вышла. Женя осталась наедине со своими мыслями.

В зале мама сделала телевизор потише, зашуршала простынёй, почистила зубы. А Женя всё думала, что за сегодня получила слишком много внимания, да такого, которое, вероятно, скоро аукнется ей. Женя не хотела быть девочкой для битья, и для обзывательств. Эти полтора года и так вымотали её, как она выдержит ещё столько же? А потом экзамены? И дальше институт? Радовало только то, что в городе, скорее всего, больше высоких людей. Сможет ли она там затеряться? Быть своей?

Мама легла. Женя отложила учебник и тоже пошла почистить зубы.

– Долго не сиди, а то опять не смогу уснуть из-за твоей лампы, – проговорила мама.

– Хорошо, – прошептала Женя.

В полумраке она рассмотрела, что мама повернулась к стенке, отчего слова прозвучали глухо и как будто устало. И она на самом деле скорее всего устала: они в Доме культуры сейчас тоже готовились к новогоднему концерту. Мама там

была организатором, и на ней лежала основная работа. Благо она не требовала, чтобы Женя тоже участвовала в постановках. Выступать на школьной сцене – это одно, а на большой, на целый посёлок – совсем другое. Страшнее и волнительнее. А Жене не нравилось волноваться из-за того, на что она не могла бы повлиять своими силами.

Каждый вечер Женя ложилась на пару часов позже мамы. Вначале из-за уроков, потом интересных книг, переписки с Машей, которая, казалось, безвылазно сидела «ВКонтакте» и постоянно там что-то кому-то писала. Именно из-за этой популярности и общительности Маши Женя и не понимала, как та сдружилась с ней, что в ней нашла, по какой причине они стали ходить по школе вместе.

Каждый вечер Женя ложилась на пару часов позже мамы и спокойно просыпалась в школу. И путём экспериментов выяснила: чтобы выспаться ей хватает и пяти часов. И тогда Женя стала придумывать для себя увлечения.

Сначала было рисование, которое почти всегда было в стол. Потом стихи, которые в конце девятого класса кто-то (хотя нет, Женя прекрасно помнила, кто это был) нашёл и зачитал при всём классе – было стыдно, но не критично, потому как со стороны, когда Женя слышала собственные слова из уст другого человека, поняла, что не так уж и плохо было написано. Требовалась доработка, но это ожидаемо. Потом Женя перешла к прозе, которую уже не носила в школу, а писала только дома. Мама тогда начала ругаться, что

Женя использует слишком много бумаги. И действительно, вначале листы а4, а потом и тетради стали исписываться с невероятной скоростью.

После прочитанного параграфа истории Женя решила вернуться к Гоголю для литературы, но глаза не цеплялись за слова, мозг не мог уловить мысль, которая всё убегала на соседнюю улицу, где жил мальчик, который ну совсем не подходил Жене. Да, он был симпатичный, и улыбка его была такой мягкой и открытой, и он будто бы не выделял высоту Жени и смотрел так буднично и обычно, словно они всегда общались.

Женя отложила книгу, понимая, что не сможет и дальше сосредоточиться. Взяла телефон, открыла браузер и зашла «ВКонтакте», благо мама позволила подключиться к тарифу, где был недорогой интернет. Женя через Машу, через Карину, которая каким-то чудом затесалась в друзья у Маши, нашла Диму. Открыла его страничку. Стена его была вся исписана сообщениями от одноклассников, были там и фотографии вечеров, где они собирались классом, были фотографии, где Диму снимали исподтишка, сбоку, в тот момент, когда он сидел на стуле и перебинтовывал руки перед или после боксирования. Дима был блестящий и взмыленный на этой фотографии, и качество было не очень, но жар и сила чувствовались всё равно.

Женя вернулась на свою страницу, стену которой специально закрыла, чтобы никто не смог добраться до неё и здесь.

Заметила, что на странице «Друзья» появилось единичное уведомление. Икры слегка свело от жуткого предвкушения: очень хотелось, чтобы новый «друг» оказался беззлобным, понимающим. Добрым. Ярким. Коренастым.

Открыв страницу, она увидела, что «Дима Ковалёв» предлагает дружить. Сдерживая нервную дрожь, Женя широко заулыбалась. Она бесшумно выдохнула – не стоит будить маму и привлекать её внимание к тому, что Женя занимается не пойми чем, – и нажала «Принять заявку».

Спустя несколько секунд в сообщениях появилось уведомление о новом входящем.

Дима: «Почему не спишь?»

Женя: «Не хочется. А ты?»

Дима: «Слишком насыщенный день. Не могу заснуть».

Они общались сухо, узнавая друг друга: что можно написать дальше, что сказать в следующую секунду.

Дима: «Так во сколько ты выходишь в школу?»

У Жени перехватило дыхание, от ужаса. На секунду она представила, как заявляется в школу вместе с Димой, как их видит много учеников, потому что он-то приходил почти перед самым звонком. Но почему она это представила? Может, Дима спрашивал из-за того, что интересно, да и Женя тогда не ответила на вопрос.

Женя: «Это так важно?»

Дима: «Нет, просто интересно».

Ну вот.

Но насколько? Настолько, что после этого интереса он готов подвергаться косым взглядам и сопровождающим смешкам? Женя не хотела утонуть в новом потоке внимания. Не сейчас, когда будет и концерт, и взаимодействие с другими учениками, и... другой интерес?

Женя удивлённо подняла глаза и посмотрела на стену, где у неё висели фотографии с Машей и мамой, картинки из журналов и оттуда же вырезанные цитаты. Какой ещё «другой интерес»? Это что она себе придумала? Откуда такие мысли, м?

Дима: «Хорошо, не хочешь говорить, не страшно».

Женя очень надеялась, что смайлик в конце сообщения Димы и правда значит то, что он не обиделся. Она тихонько зарычала про себя, совсем не желая обижать хорошего человека.

Женя: «Без десяти восемь выхожу, бывает без пятнадцати».

Ответила она тоже со смайликом: стало неудобно, что Женя поднимается в такую рань, выходит настолько рано, что даже петухи, бывало, ещё не просыпались, если это было зимой.

Дима: «Ого. В это время я иногда могу только вставать».

Написал он со смеющимся смайликом. И Женя чуть расслабилась, разжала внутреннюю пружину, что норовила расправиться самостоятельно и что-нибудь выбить своей силой.

Женя: «У меня со сном особые отношения. Мы с ним

близкие друзья, и он меня не сильно донимает своим присутствием».

Улыбаясь, написала Женя, считая, что сообщение вышло красивое и поэтичное. Но, прочитав ответ Димы, поняла, что перестаралась.

Дима: «Бессонница?»

Женя: «Нет, ты что! – захрустела клавишами телефона Женя, пытаюсь торопливо оправдаться. – Просто у меня особенность организма, что я высыпаюсь за пять часов».

Дима: «А-а-а. О, ничего себе, как круто. Завидую».

Да чему завидовать, удивилась Женя, которая часто не знала, чем заняться, потому что мама спала, а шуметь нельзя. Желательно даже не ходить из комнаты в комнату, потому что она могла проснуться. И не поворзопаться по кровати – скрип будил её. А после этого мама будет не выспавшаяся и недовольная. Не злая, но нервная и сварливая. Мама в таком виде была не очень красивой, и Женя всегда старалась дать ей выспаться, чтобы она была свежей и бодрой.

Дима: «Так, ладно, я пошёл пробовать заснуть, потому что у меня нет такой суперспособности, как у тебя, а варёным овощем чувствовать завтра себя не хотелось бы».

Женя всполошилась, быстро написала «спокойной ночи», чтобы не задерживать, чтобы не отвлекать Диму. И тихо выдохнула. Ну вот, из-за неё он лёг поздно спать. Из-за неё Дима будет завтра вялым и сонным. И чего она решила, что в одиннадцать ночи самое время переписывать с человеком?

Спать надо, а не отвлекать людей.

Женя недовольно бросила телефон на кровать, не сдержавшись, фыркнула на себя. В зале на диване завозилась мама, и Жене оставалось лишь понадеяться, что это не из-за неё.

Глава 4. Дима

Егор: «После уроков ко мне?»

Курчавый, округлый и какой-то одинаковый почерк Егора сложно было разобрать, но Дима давно научился видеть в кругляшках и закорючках буквы и даже смысл. Ему иногда казалось, что Егор пойдёт на врача – именно из-за почерка ему это предопределено. Хотя тот рвался в гейм индустрию, хотел создавать компьютерные игры, которыми он был, как казалось Диме, слишком увлечён.

Дима: «Ага, у тебя есть что-то новое?»

Егор: «А то! Обижаешь. У меня всегда есть что-то новое».

Дима улыбнулся в парту, чтобы химичка не подумала, что он одновременно с записью материала занимается неурочными делами.

Дом Егора находился в противоположной стороне от дома Димы, но до него от школы было идти минут пять, ну максимум семь. Он ещё поражался, что они всё равно смогли сдружиться. Но это было не удивительно, потому как в хорошую погоду Дима часто приезжал к Егору в гости.

У него был трёхкомнатный дом, с отлично сделанной душевой и туалетом, в котором было не холодно и не страшно отморозить себе зад о стульчак. Нет, Дима не жаловался на своего отца, который по мере сил держал дом крепким, но

всё же было обидно, что вот у Димы в туалете было не так уютно, как у Егора.

В одной комнате была родительская спальня, другая – зал, третью же занимал Егор, который здесь раньше уживался со старшим братом – он уже отучился и завёл свою семью. Брат приезжал редко, а если и навещался со «всей оравой», то спали они втроём в зале, на раскладывающемся диване. Егор рассказывал, что такое количество гостей утомляло, хоть он и любил свою племянницу.

– Во что играем? – спросил Дима, бросая рюкзак за кровать. Огляделся, вновь удивился хаосу, что творился в комнате. – Мама не пытается тут навести порядок?

– Нет, с чего бы ей пытаться? – удивлённо уточнил Егор. То, что мама Егора не заставляет убираться его в собственной комнате – Дима уже знал. Он не сразу задал вопрос, думая, что такой бардак – это единовременная акция, но потом понял, что это постоянное состояние пространства. И что Егору в этом пространстве уютно до невозможности.

– Не знаю, моя бы уже начала бубнить, что я раскидал вещи и вообще... надо бы навести порядок, – пожал плечами Дима, не решаясь продолжить выделять минусы комнаты. В принципе, в ней было по-домашнему уютно, но всё же грязновато, словно в берлоге. Дима натянул на край кровати покрывало и присел.

– Мама даёт мне личное пространство и возможность что-то самому решать, даже обои я выбирал, ну и помогал кле-

ить, – серьёзно ответил Егор, и Дима заметил, как тот распрямил плечи, выкатив грудь, сразу видно – гордился своими достижениями.

– Повезло, – усмехнулся Дима.

Он сам не смог устроить такое у себя в комнате. Кружки с чаем, которые Дима приносил вечером, чтобы попить горяченького, пока делались уроки, перед сном обязательно убирал и мыл. У Егора же на столе стояли две кружки, и Диме показалось, что одну из них на этом же месте он видел на прошлой неделе. Пыль плотным слоем покрывала часть полки над столом и тетради, которые там лежали. И на это Дима обратил внимание уже благодаря маминым акцентам, которая только из-за одной пыли могла начать ругаться, что в комнате у Димы бардак. Да и диван она, кстати, тоже заставляла застилать и ругалась, когда Дима в уличных вещах садился на постельное.

Егор уселся в компьютерное кресло, что уже начало затираться. Достал с идеально чистой и аккуратно обставленной подставки для дисков коробочку. Нажал на кнопку открытия дисководов и опустил туда диск. Нажал на кнопку, на что Дима улыбнулся – в школе все просто толкали дисковод, Егор же всегда правильно его закрывал.

– Ты есть-то хочешь? – вдруг повернулся Егор, застав улыбку на лице Димы. И сам заулыбался. – Чего лыбишься? Ну да, я нажимаю на кнопку, уже все успели поржать над этим.

– Да я что, я ж ничего не говорил. Да, – поспешно добавил Дима, опуская ладони на колени, – я бы перекусил.

– Окай, пошли тогда глянем, что там есть в холодосе.

На кухне было прохладнее, чем в комнате, и Дима невольно вспомнил про Снегурочку. Или, точнее, про Женю.

– Мимозу будешь? – уточнил выглянувший из-за дверки холодильника Егор.

– Мимозу? – удивился Дима. И невольно спросил: – Вы праздновали что-то?

– С чего бы? – теперь уже удивился Егор и достал салат, видимо, решив, что Дима всё же будет не против такой еды.

– Мы делаем такие салаты только на праздник, – Дима почувствовал себя глупо.

– Да не, мы не праздновали, мама захотела салат, а в запахах как раз были ингредиенты для Мимозы. Вот и сделала, – Егор поставил на стол тарелку, обычную, плоскую, совсем не праздничную. Достал вилки и включил электрический чайник.

Пока ели, Егор успел немного описать игру, ввести Диму, так сказать, в тему.

Егору нравились игры кооперативные, где надо было биться либо против игры, либо вместе проходить сюжетку. Ему не нравилось бездумно сражаться друг с другом. Конечно, они пару раз пробовали играть в «Guilty Gear», где Дима успел прикипеть к одному персонажу, одержимому мстительным духом, но Егор быстро потерял интерес. А

вот игры, где надо было исследовать миры, решать загадки и бродить, он поощрял. Как и его родители. И по четвергам Дима приходил в гости к Егору, чтобы вместе поиграть, чтобы быть в курсе увлечений друга, как он себе объяснял, но всё же это было интересно: смена деятельности.

Новая игра, которая вышла ещё в прошлом году, но тогда нечаянно прошла мимо Егора, называлась «Trine». И в теории в неё можно было играть втроём.

– Чур, я воровка, – благоговейно проговорил Егор, хватаясь за джойстик.

– Очень странный выбор, – ухмыльнулся Дима, потому как кроме воровки были ещё два персонажа и оба мужского пола.

– Ну нравятся мне сильные женщины, что поделать, – хитро улыбнулся Егор, и Дима понял, про кого была речь. – Как дела с моделью? Договорились о встрече?

– С чего нам встречаться? – Дима решил ответить вопросом на вопрос, потому как судорожно соображал, что же такого сказать нейтрального, чтобы Егор не догадался об интересе.

– Потому что она тебе понравилась, – Егор смотрел в монитор, где грузилась игра, но умудрялся и коситься на Диму.

– Это так заметно? – тяжело вздохнул Дима, положив джойстик на стол и вытерев руки о джинсы: ладони нещадно взмокли, словно его застали за неподобающими действиями.

– Ну как тебе сказать... да, так заметно. Каждый раз, как

она появляется в поле зрения, ты украдкой пытаешься смотреть на неё. И так как в этот момент я глазею на Машку, я и заметил, что головы у нас с тобой двигаются синхронно.

– Фигово, – выдохнул Дима, понимая, что если заметил Егор, то, скорее всего, засекли и другие.

– Да не, норм, – пожал плечом Егор. – Она же тебе нравится, что тут может быть плохого?

– То, что я ей не нравлюсь?.. – полувопросительно ответил Дима.

– А вот это уже предстоит тебе узнать. Ну или сделать так, чтобы ей понравиться.

Игра загрузилась, и Егор выпрямился. Даже сидя сбоку, Дима видел, как у него загорелись глаза, как чуть нервно и нетерпеливо он стал дрыгать ногой.

Егор выбрал воровку, Дима остановился на рыцаре, а-ля богатырь средневековья, думая, что спасти – или завоевать – Снегурочку не такая уж плохая идея.

*

– Как поиграли? – спросил папа, когда Дима вернулся домой.

– Отлично, Егор загонял меня, но было интересно.

Пахло борщом и жареным мясом с луком, желудок у Димы заурчал, требуя тяжёлой и сытной еды.

– Удивительно, как ты уроки успеваешь делать, – мама

вышла из кухни, вытирая руки о полотенце.

– Это всё магия, – усмехнулся Дима раздеваясь. – За меня их делают маленькие эльфы.

– Хм, надо сказать твоей классной, чтобы и оценки ставила этим эльфам, а не тебе, – с улыбкой ответила мама. – Идём есть. По твоим впалым щекам вижу, что голодный.

Папа заторопился на кухню, словно не ел вечность.

– Да ладно тебе, мам, какие впалые щёки, – отмахнулся Дима. Но всё же ускорился, чтобы папа не съел всё. – Ты меня так раскормишь.

– С твоими занятиями это будет сложно.

Мама вернулась на кухню, где уже начала ругать папу, который облизывал ложку от сметаны.

– Как репетиции? – спросила мама, пока папа быстро орудовал ложкой. Он всегда ел так, будто его не кормили с прошлого века. Но Дима знал, что так папа ест только ту еду, которая ему очень нравится. Например, в гостях он мог вялоковыряться в тарелке и есть нехотя.

– Отлично, пока не сильно прикольно, потому что не все знают свои слова. Да и торопиться некуда.

Торопиться некуда. И Дима с неприятием ждал момента, когда репетиции и концерт закончатся, потому как после этого контакт с Женей будет потерян.

– А с кем ты ходишь домой? – улыбнувшись, спросила мама и подняла взгляд от тарелки.

Дима резко вдохнул и закашлялся, когда бульон попал не

в то горло. Он откашливался долго. Папа успел смачно постучать ему по спине, что вроде как не сильно помогло. Слезы, что выступили на глазах, затуманили взгляд, но Дима успел заметить, как папа стукнул себя ладонью по лбу, словно намекая маме, что она болтает под руку. Но мама отмахнулась от него.

Вначале Дима хотел как-то отговориться от этого вопроса. Переспросить что-нибудь другое. Но понял, что кашлем стёр себе все пути отступления.

– С девочкой, которая играет Снегурочку, – Дима, наконец, решил ограничиться только этой информацией. Не хотелось уточнять, кто именно это был.

– Это, случаем, не Женя Короткова? – допытывалась мама.

Чёрт, и как она узнала? Дима кивнул, потому как врать не было смысла.

– Мне тётъ Наташа сказала, что видела вас, – мама доела суп и отставила тарелку, подтягивая к себе чай. Папа поднялся и убрал их тарелки в раковину. Сел обратно и тоже приступил к чаю. – Красивая Снегурочка.

Чёртова тётъ Наташа. Везде сующая нос и всё знающая – но в плохом смысле слова. Дима бы с удовольствием ей вручил почётную медаль первой сплетницы в посёлке, но слишком много чести.

– Лерк, не смущай ребёнка, – попытался встрять папа.

Дима чувствовал, что покрылся красными пятнами: шея

и щёки начали гореть.

– А я что, мне любопытно, с кем Димка дружит, – мама отрезала для них три кусочка рулета.

– Да мы так, просто вместе ходим до дома, – попытался выгородиться Дима. Родители-то пусть думают что хотят, но вот было неприятно о том, что там ещё наговорила тётъ Наташа, которая могла эту информацию разнести и дальше.

Конечно, Диме было по фиг на сплетни, его это не сильно волновало. Но он переживал за Женю. Почему-то казалось, что ей не понравится, если про неё начнут болтать.

– Ну ничего, всё впереди, – подытожила мама, потихоньку убирая со стола. Дима опять закашлялся, не понимая, к чему она клонит. Мама словно догадалась о его мыслях и с лукавой улыбкой добавила: – Ещё успеете подружиться. Женя – девочка хорошая, видная.

Ужин всполошил Диму. Он опять разволновался, словно про него написали в новостях. И угораздило же попасться на глаза. В их турлах и так редко происходило интересное, поэтому люди хватались за любую возможность узнать новое – ну или скандальное. И судя по количеству сплетников, скандальное было в приоритете.

*

В пятницу после шести уроков опять была репетиция. Дима и Егор притащили гитары, которые они оставили в

учительской в начале дня. Сегодня была репетиция и номеров, которые Людмила Анатольевна вписала между сценками.

Вообще, это выступление Диме казалось взрослее, чем было, например, в прошлом году. Да и чувствовалась параллель с концертами в Доме культуры, куда они с Егором каждый год ходили, чтобы напиться новогодним настроением, чтобы посмотреть на танцующих старшеклассниц и послушать приличные голоса поющих.

– Вы что же, ещё и на гитарах играете? – спросила Маша, когда Дима и Егор зашли в актовый зал.

Женя стояла рядом с ней, но занята была сценарием.

– Нет, для красоты их носим с собой, – с улыбкой съязвил Егор, когда Дима уже собирался ответить нормально и подтвердить.

– Не дерзи мне, Зимин, – сузила глаза Маша. Удивлённая Женя, наконец, посмотрела на них.

– А то что? – уточнил Егор. Дима успел подумать, что либо он устроит заварушку, либо нарвётся на комплимент – одно из двух.

– А то по почкам получишь.

Значит, заварушка.

Маша улыбалась, очень широко. Она как будто не могла сдержать эту улыбку. И Женя подхватила её. Дима заметил, что зубы у Жени кривоватые, но белые, даже красивые в своей не идеальности.

– Ах так...

Егор стал снимать гитару с плеча. Маша вся напряглась, чуть согнула колени, словно собираясь вот-вот отскочить от него. Егор пихнул гитару Диме и уже собрался приблизиться, чтобы запугать, но сзади послышались торопливые шаги. в актовый зал зашла Людмила Анатольевна.

– Все пришли? – она осмотрелась. – Что ж такое-то, где Трошина опять шляется? – все промолчали, не зная ответа на вопрос. – Ладно, начнём пока без неё.

Дима заметил, как Егор поднёс два пальца к глазам, потом эти же пальцы перевёл на Машу, как бы говоря «я слежу за тобой». Она же закатила глаза и показала рукой «бла-бла». Дима и Женя одновременно усмехнулись. И посмотрели друг на друга.

Глаза у неё были чистые, светлые. И такие пронзительные, что Диме стало жарко, несмотря на встреченный холодный цвет радужек.

Людмила Анатольевна подошла к сцене и, обернувшись на их четвёрку, сказала:

– Парни, а спойте мне.

Дима и Егор одновременно тяжело вздохнули, словно их заставили таскать столы.

Песню выбрала Людмила Анатольевна. И Диме вначале не нравилась ни песня, ни слова. Но именно сейчас, когда перед ним была Женя, когда он понял, кем она будет на концерте, и что именно её он будет спасать от Бабы-Яги, Дима проникся.

– Коронована луной,
Как начало – высока,
Как победа – не со мной,
Как надежда – не легка.¹

Иногда он посматривал на Женю. Замечал, как она ёрзает на стуле, которые они с Машей успели подтащить, как нервно мнёт в руках листы, как блестят её глаза, как смотрит в ответ с живым интересом и даже некоторым восторгом, слово Дима делал какие-то невероятные, волшебные вещи.

Ко второму куплету заявила Карина, своими стучащими, заглушающими гитарные аккорды каблуками обратила на себя внимание каждого в зале. Она встала напротив сцены, подошла к ней вплотную, и остановилась на той самой прямой, где взгляды Жени и Димы сходились. Как будто специально.

Финальные аккорды – все захлопали. Хлопки Карины выделялись громкостью и интенсивностью. Или это только казалось оттого, что она стояла так близко?

– Трошина, где ты вечно пропадаешь? – после аплодисментов спросила Людмила Анатольевна.

– Свежим воздухом дышу, – ответила Карина и усмехнулась, провела по распущенным волосам, приглаживая их.

– Подышала? Молодец. Теперь бери девчонок и бегом танцевать.

Дима и Егор уже унесли стулья со сцены, поставили их

¹ ДДТ – Метель

позади Жени и Маши и сели. Егор тут же наклонился вперёд, его лицо оказалось прямо между головами девушек, но Дима не услышал, что он начал им говорить и рассказывать, потому что заиграла песня «Flo Rida & T-Pain – Low» и на сцену вышли, как их называл Егор, «Карина и Ко».

Вначале они вчетвером смотрели на репетицию. Карина резво танцевала на каблуках, словно родилась в них. Но сразу же она начала оттопыривать зад и извивалась так, будто в зале сидел продюсер. И Дима понял, что ему совсем неинтересно на это смотреть. Он заметил, что Женя опустила голову – наверно опять начала читать слова. Егор и Маша над чем-то посмеивались.

Когда прогнали номера, Людмила Анатольевна в ускоренном порядке заставила пройтись по всей постановке. Не ругалась, что мало кто выучил слова. И часто посматривала на наручные часы.

Она задумчиво глядела на их сцену: как из-за кулис навстречу Диме выплывает Женя, как она плавно водит руками, как текуче приседает в благодарности – и как Дима машет, приглашая её пойти за собой, чтобы вывести из леса.

– Ковалёв, ты какой-то деревянный. Ты прошёл этот путь и боишься дотронуться до Снегурочки, чтобы её повести за собой?

– Этого не было в сценарии, вот и не дотрагиваюсь, – огрызнулся Дима, понимая, что да, правильней было схватить Снегурочку и утащить её из этого места, а не махать

руками.

– Логично, – хмыкнула Людмила Анатольевна. – А теперь давай попробуем с предложением руки. Только помягче.

С предложением руки. И сердца.

– Конечно, я отведу тебя, Снегурочка...

Дима увидел, как часто задышала Женя, даже кофта и та стала подрагивать. Но она без страха, без каких-либо колебаний и промедлений протянула к нему руку.

Вокруг стояла тишина. Все смотрели на них. Но наверняка Дима не знал, всё его внимание сосредоточилось на девушке, сны о которой уже вторую неделю будили неопределённость и туманностью.

Её ладонь была тонкой, удлинённой и нежной. Прохладной. Настолько прохладной, что вначале Диме показалось, что его прошибло лёгким разрядом. Но сразу же её ладонь начала согреваться в его руке. Неукротимо становилась податливой и мягкой, словно тёплая глина.

Когда они отошли на другой край сцены, то не сразу разомкнули ладони. Долю секунды замешкались, но Дима понял, что Женя сама не торопилась убирать руку.

– Отлично, так и оставляем, – хлопнула в ладоши Людмила Анатольевна.

Женя спешно вытащила ладонь из ослабшей хватки Димы. И краем глаза он заметил, как в эту руку, что он успел нагреть, она сложила вторую ладонь, которая не получила тепла. Но, видимо, в этом тоже нуждалась.

Глава 5. Женя

Началась третья неделя предновогодней суеты, которая подмяла под себя Женю уже с середины ноября. Подобное настроение было в новинку. Репетиции пока были простыми. На улице уже чувствовалось приближение ещё не начавшегося мягкого снега, льда и сугробов под ногами и холода, с которым у Жени на самом деле были не очень хорошие отношения.

Собирались они нечасто, пока им дали время выучить слова, чем Женя и занималась после того, как мама уходила спать. Ну и параллельно переписывалась с Димой. Отчего переживала, что могут запомниться какие-то не те фразы, и боялась, что в какой-то момент начнёт говорить написанное Димой. Она повторяла себе перед сном его слова, не веря, что он это сказал: «Тебе идёт роль Снегурочки», или «Ты сегодня отлично отыграла», или «У тебя такой мягкий и успокаивающий голос».

Димы в её мыслях было всё больше. Они переглядывались, улыбались друг другу, переписывались, посмеиваясь над некоторыми промахами выступающих, многозначительно поднимали брови, когда подобные косяки повторялись, и опять смеялись – как будто вместе, но по разные стороны от сцены. И было в этом больше близости, чем в отношении с

Машей. Хоть оно и было дружеским, но Женя не чувствовала такой лёгкости с ней. Женя боялась сильно откровенничать с Машей, а с Димой она приятно проводила время. Хоть и через переписку.

– Блин, Женьк, давай сегодня по-быстрому подежурим и домой, а? – после последнего урока Маша торопилась в их классный кабинет. Сегодня был вторник, без репетиций, но с шестью уроками и с дежурством.

– Хорошо, – ответила Женя, подозревая, что Маша может торопиться по одной-единственной причине...

– Там новая серийка «Сверхъестественного» будет, хочу глянуть, что за страх они там ещё придумали, – Маша вся такая возбуждённая и в волнении повернулась к Жене, но в последний момент её повело, и она чуть не снесла парня из параллельного класса.

– Тише-тише, не убей меня, – не останавливаясь, быстро проговорил он, осматривая Машу, потом перевёл взгляд на Женю. И усмехнулся. Появилось чувство, что её облили помоями – совсем неприятное, но уже привычное.

– Если бы хотела, давно бы это сделала, – прикрикнула Маша, скривив губы. И ещё быстрее стала перебирать ногами. – Не замедляйся ты, покажи свою важность и нежелание с ними говорить.

Видимо, Маша заметила его взгляд. Что было ещё неприятней.

– Но ты же с ними говоришь, огрызаешься, – не поняла

замечания Женя.

– Не надо на меня равняться, я уже давно научилась говорить на их языке, а ты даже не пробовала. Тебе надо действовать своими методами, по-другому, – Маша резко остановилась, отчего Жене пришлось чуть согнуться над ней, чтобы не врезаться. – Тебе подходит холодность и важность. Старайся не обращать на них внимания, не отвечать, делать вид, что ты выше этого.

– Справедливо, – кивнула Женя, понимая, что в принципе так и делает.

– Но при этом тебе не стоит сутулиться и сжиматься, словно ты их боишься.

– А если я их и правда боюсь?

– Бойся внутри, но не показывай этот страх. Они же акулы, чуть почуют кровь – бросаются. Тебе слово, а ты распрями плечи, глянь на них, как на говно, и уйди спокойно от перепалки. Да после такой ответки он сами начнут тебя избегать, думая, что что-то о тебе не знают. Будут опасаться тебя.

Маша кивала, словно сама соглашалась со своими словами. И было в них зерно истины, по крайней мере, Женя тоже пару раз замечала: когда она не слышала выпадов и подколов, её не трогали, даже не повторяли сказанное.

– Так, ладно, – Маша встрепенулась и поскакала по лестнице на второй этаж. – Пошли уже разберёмся с этим кабинетом, да домой умчим. Что-то устала я за сегодня.

Вчерашняя репетиция была сложной в плане повторений.

Вначале Ветер, Леший и Звезда – точнее, ребята, что их играли – баловались и всех отвлекали, потом Карина забыла слова, причём не вязал ещё и сам распечатанный текст. Поэтому проторчали в школе они дольше обычного и сам факт того, что Женя пришла поздно домой, её расстраивал: времени на отдых было меньше. И сегодня она чувствовала моральное давление, и была рада, что никаких репетиций не будет, и дома она окажется ещё до того, как на улице станет темнее и студёней.

Оставив рюкзаки в кабинете, откуда минуту назад вышла классная, они разбрелись в разные стороны: Маша убежала в раздевалку, где слышались тихие голоса натирающих паркет дежурных, чтобы принести куртки в кабинет; Женя же направилась в женский туалет за ведром с водой, которое заботливо им набирала техничка к концу дня.

От кармана по ноге пробежала вибрация, вызывая мягкие мурашки. Женя достала телефон, увидела сообщение от мамы: «Ты когда освободишься? Зайдёшь после уроков в ДК? Помощь нужна». Вот и отдохнула дома. Женя начала выступать по кнопкам информацию о том, что вот они сейчас уберутся в кабинете, а потом она зайдёт, конечно.

В класс залетела Маша, по самую макушку скрытая под куртками и пакетами со сменкой.

– Женька, Женька, – шипела она чуть слышно, но не устало, а с волнением, – Женька, ай, чёрт, – она бросила вещи на первую парту и один из пакетов, упал, попал ей по ноге, –

ауч, там это, дежурные... Дима с Егором.

Глаза её блестели, озорно и игриво, она даже расширила их для пущего эффекта.

– И что? – Женя почувствовала, как переживательно, но совсем немного закружилась голова. Очень хотелось улыбнуться и тому, что за дверьми, так близко, был Дима, и тому, что Маша назвала именно его в первую очередь. Но Женя сдержалась, поджав губы, и отвернулась к доске, которую как раз начала мыть.

– Ты хотела улыбнуться, я видела, – зашептала Маша, подсакивая к Жене, словно перевозбуждённая пятилетка. – Может это, пойдёшь поговоришь с ним?

– Он занят, да и нам надо убраться. Ты же торопишься, – Женя многозначительно подняла брови, глянув на Машу.

– Ай, ничего со мной не станет, если я пропущу пару серий, – Маша махнула рукой, осматривая кабинет. – Пыль! Надо намочить тряпку.

– Лучше же вначале подмести, – нахмурилась Женя.

– Ргха-а-а, – негромко прорычала Маша и, вцепившись веник, за пару минут подмела весь кабинет. Женя на всё это смотрела с подозрением и тихонько посмеивалась.

– Точно ли я должна пойти и поговорить с Димой, или может это тебе следует пойти и поговорить с Егором? – уточнила Женя, когда Маша кинула веник в угол за шкафом с многочисленными старыми тетрадками и учебниками и схватила тряпку. Перед тем как исчезнуть в коридоре, она успела

показать язык. Вот же неужённая. Женя улыбнулась.

В коридоре раздались голоса. Женя явственно расслышала грубоватый говор Маши, которая возле самой двери что-то язвительно сказала и посмеялась. Потом было яркое и протяжное: «Что-о?» – как Жене показалось, от Егора. И топот. Маша забежала в кабинет и ухватилась на ручку, начав тянуть дверь на себя.

– Что стоишь, помогай, – прошипела она через плечо. – А то меня одну сметут.

– Не буду я участвовать в ваших брачных играх, – рассмеялась Женя своим же словам. Потому что именно на это всё и походило.

Мокрая тряпка в руках Маши была зажата как раз между ладонью и ручкой, поэтому вода выжималась на пол, который, правда, в скором времени всё равно мыть – Женя ничего и не сказала по этому поводу.

– Да какие игры, – расслабилась Маша, собираясь отпустить дверь, но с той стороны легонько дёрнули, и Маша с новыми силами стала упираться ногами в косяк. И добавила драматично, с надрывом: – Меня убить хотят, а ты даже спасти меня не собираешься!

– Если тебя убьют, я отомщу, – пафосно проговорила Женя, положив тряпку на тумбочку под доской. – Такой расклад тебя устроит?

– Пойдёт, – бросила Маша. Женя заметила, что она и правда со всей силы держалась за дверь.

– Что ты там опять ляпнула?

Маша недобро глянула исподлобья. Выдохнула. За дверью слышался приглушённый говор, но было непонятно: то ли он удалялся, то ли парни говорили вполголоса.

– Назвала Егора «Золушкой», – улыбнулась Маша.

Женя хмыкнула: другого от Маши можно было и не ждать. Ей нравилось задирать и подкалывать. Даже Жене порой доставалось и за рост, и за волосы, и за некоторые неудавшиеся контрольные. И за страх. Но всё же хорошее от Маши перевешивало все эти приколы.

– А когда это не подействовало, добавила, чтобы работал лучше, а то на бал не отпустят.

– Оу, похоже, эту сказку Егор знает, – хихикнула Женя.

Маша долю секунды смотрела на неё непонимающе, а потом разразилась громким, заливистым смехом. Он шёл из самой грудины, и Маша всё вдыхала и вдыхала побольше воздуха, чтобы продолжать смеяться. Женя поняла, что сама хочет от души, и на глазах уже выступили смешливые слёзы, как и у Маши.

– Фух, боже, как сказанёшь, – она успокаивалась. Женя почувствовала лёгкость и ещё большее единение с Машей. – Так, а чего больше никто не ломится?

– Нашего смеха испугались, – хохотнула Женя.

– Возможно, возможно, – Маша вытерла щёки. – Выгляни-ка, проверь, что там.

Она начала подталкивать Женю к выходу. Особо не со-

противляясь, Женя медленно открыла дверь, выглянула.

– Ну что там? – не вытерпев, спросила Маша громким шёпотом, который разнёсся по крылу.

Со стороны женского туалета, который из их кабинета с лёгкостью просматривался, выглянул Егор. Он успел подмигнуть, улыбнуться и вновь скрыться за стенкой.

– Никого, – по возможности беззаботно проговорила Женя, чувствуя волнение и сговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.